

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ¹

В статье рассматриваются проблемы экономической и институциональной конвергенции и дивергенции на постсоветском пространстве как фактор региональной экономической интеграции. Для исследования количественных характеристик этих процессов используются концепции β - и σ -конвергенции, а также конвергенции темпов роста. Выявляется взаимосвязь внутренней и внешней дезинтеграции и ее роль для экономического пространства СНГ и России.

Конвергенция и региональная экономическая интеграция. Проблематика конвергенции экономических показателей стран – членов региональной интеграционной группировки нередко признается в качестве одной из ключевых для интеграционных объединений [1]. Речь идет, прежде всего, о двух взаимосвязанных аспектах конвергенции. Это, во-первых, *конвергенция темпов роста и доходов* стран интеграционной группировки, показывающая, в какой степени интеграция способствовала сближению уровней благосостояния участвующих в объединении стран, и во-вторых, так называемая *институциональная конвергенция*, которая свидетельствует о сближении экономических и политических институтов, «правил игры», существующих в интеграционном сообществе и определяющих поведение хозяйствующих субъектов.

И институциональная, и экономическая конвергенция может являться результатом двух различных (хотя нередко однонаправленных) процессов, обуславливающих характер региональной экономической интеграции. *Ex ante* конвергенция связана с государственным регулированием и целенаправленной политикой «подтягивания» к уровню развитых структурно слабых регионов и гармонизации экономических институтов. Этой форме конвергенции огромное внимание уделяется в Европейском Союзе [2]. *Ex post* конвергенция является результатом спонтанного взаимодействия экономических агентов и перетока капиталов, благ и рабочей силы между странами, а также конкуренции государств за мобильные факторы производства.

Причины обращения исследователей и практиков к концепции конвергенции многообразны. Дело в том, что конвергенция может выступать и *необходимым условием*, и *результатом* региональной экономической интеграции. В первом случае без достижения определенного уровня конвергенции практически невозможны дальнейшие шаги по углублению интеграции стран, например, если их экономические интересы будут разнонаправленными, то достижение консенсуса по реализации тех или иных мер интеграции будет связано со значительными затратами. Именно эта проблема стоит перед крайне разнородными группировками, прежде всего, объединяющими страны Севера и Юга. Без наличия мощного центра экономического принуждения (как, например, в НАФТА) им часто крайне сложно преодолеть возникающие противоречия². Не менее важны и институциональные различия: страны с неодинаковыми механизмами принятия решений вообще часто неспособны правильно понять логику действий партнеров, между тем формирующееся недоверие губительно для интеграции.

Независимо от «технической» задачи содействия углублению интеграции многие интеграционные группировки непосредственно преследуют цель уменьшения диспропорций в силу разнообразных причин, в том числе и внеэкономических (например, политических или гуманитарных). С экономической

¹ Статья написана во время работы автора на кафедре финансов Университета Марбурга (Германия), поддержанной стипендией Немецкой службы академических обменов.

Автор выражает благодарность Ф.Н. Ключову за ценные замечания, позволившие существенно улучшить работу.

² Между тем, как будет показано далее, СНГ в какой-то степени можно считать именно группировкой типа «Север-Юг», поскольку она включает в себя принципиально различные по своей структуре экономики.

точки зрения наиболее важно устранение негативных экстерналий наличия в интегрированном экономическом пространстве крайне бедных стран со значительными экономико-социальными проблемами, ведущими, например, к росту эмиграции или появлению трансграничной преступности. Решение этих проблем требует достижения как минимум определенного уровня конвергенции.

При этом для разных интеграционных группировок *ex ante* и *ex post* конвергенция обладает различной значимостью. Целесообразно выделить шесть типов задач, которые могут стоять перед экономической интеграционной группировкой (как правило, интеграция преследует одновременно несколько целей, но в различных «пропорциях»):

- «интеграция рынков», снижение уровня издержек трансграничных трансакций для повышения эффективности экономики (а также инициации эффектов «эволюционного обучения» игроков [3]);
- координация экономической политики с целью устранения «провалов» интегрированного рынка и коррекции его результатов;
- производство региональных общественных благ, обладающих трансграничными внешними эффектами;
- улучшение позиции в глобальной конкуренции – от стратегической торговой политики до институциональной конкуренции;
- смягчение внешних шоков, возникающих в результате глобализации, например, в результате растущей мобильности капитала;
- попытка преодолеть внутренние «блокады реформ» и содействовать перестройке экономики.

Первая цель (интеграция рынков) в явном виде связана с *ex post* конвергенцией, хотя сама задача их интеграции политически реализуема лишь при определенном уровне *ex ante* конвергенции. Остальные цели (кроме последней) часто направлены на достижение определенного уровня *ex ante* конвергенции. Однако нельзя забывать, что сами цели интеграции в этом случае часто формулируются с учетом активно идущего процесса *ex post* конвергенции за счет открытия рынков [4]. Наконец, последняя цель, хотя и направлена в основном на внутренние проблемы государств, также содействует *ex post* конвергенции (если страны интеграционной группировки преодолевают однотипные блокады реформ, как это происходит сейчас в государствах континентальной Европы [5, 6]).

Очевидно, что проблематика конвергенции крайне важна для постсоветского пространства. В настоящее время встречаются различные оценки процессов интеграции и дезинтеграции в странах СНГ. С одной стороны, постсоветский период ознаменовался резким падением объема взаимной торговли и инвестиционного взаимодействия, которые нанесли серьезный ущерб экономике стран Содружества [7, 8]. Практически отсутствует эффективная координация экономической политики. С другой – степень дезинтеграции не следует переоценивать. Важную роль играет социальная интеграция, т.е. единство языка, культуры, норм, существование межличностных социальных сетей [9]. Даже в сфере взаимной торговли, где дезинтеграционные процессы, казалось бы, носили наиболее ярко выраженный характер, эмпирические исследования выявляют значительную устойчивость региональных торговых связей по сравнению с теоретически оцененными на основе гравитационной модели в открытой экономике [10]. Следует учесть, что способность к функционированию в условиях независимости разных стран сильно различается [11], поэтому многие из них шли по пути «интеграции выживания», когда ослабление государственного контроля над трансграничными сделками позволяло в реальности обеспечивать значительно более высокий уровень взаимодействия экономик, чем статистически наблюдаемый.

В связи с этим важно определить, как этот сложный комплекс разнонаправленных процессов влияет на конвергенцию постсоветских стран. Ниже

попытаемся дать количественную характеристику конвергенции и дивергенции экономик на пространстве СНГ.

Оценка конвергенции и дивергенции. Понятие и количественные методы оценки конвергенции первоначально были разработаны для исследования динамики экономического роста, но впоследствии распространены на исследование координации институтов, что стало возможным по мере накопления временных рядов индикаторов развития институциональной среды. В эмпирических исследованиях используются преимущественно две концепции конвергенции, взаимосвязанные, но обуславливающие различные эффекты экономической политики: β -конвергенция и σ -конвергенция [12-15].

По идее β -конвергенции *сравнительно более бедные страны в начальный период времени характеризуются в среднем более высокими темпами роста в ходе процесса интеграции*. Для оценки β -конвергенции используются так называемые регрессии роста на его исходный уровень (growth-initial level regressions), в которых зависимой переменной являются темпы роста, а независимой – первоначальный уровень показателя. Простейшая регрессия такого типа принимает вид:

$$g_i = \alpha + \beta \ln(y_{it-T}) + \varepsilon, \quad (1)$$

где y_{it-T} – показатель в момент времени, предшествовавший текущему моменту времени t на T периодов (как правило, начальный период интеграции или другой значимый для развития интеграционной группировки момент времени), α и β – подлежащие оценке коэффициенты, g_i – средние темпы роста в i -й стране за T периодов, исчисленные как $\ln(y_{it})/\ln(y_{it-T})$, ε – случайное отклонение. Индикатором наличия конвергенции является знак коэффициента β . Если $\beta < 0$, то высокий уровень показателя в начальный момент времени коррелирует со сравнительно более низкими темпами роста. Подчеркнем, что поскольку концепция была разработана для анализа роста дохода или ВВП, то предположительно со временем величина показателя должна расти. Это не соответствует действительности для многих индексов институционального развития в силу особенностей использованных в них шкал, которые в связи с этим требуется переопределить.

Уравнение (1) (используемое в дальнейшем) нередко подвергается дополнительным модификациям. Прежде всего коэффициенты α и β могут быть представлены в виде, соответствующем неоклассической, или новой теории роста. В этом случае принято говорить о *формальной* регрессии в отличие от *неформальной*. Кроме того, уравнение (1) может быть дополнено вектором контрольных переменных; тогда результатом оценки станет не *абсолютная*, а *относительная* конвергенция. Наконец, эконометрическая оценка уравнения (1) на основе *перекрестных данных* (cross-sections), описанная выше, может быть связана с рядом статистических проблем, поэтому все чаще используются методы оценки на основе *временных рядов и панельных данных*. Далее использован неформальный метод измерения абсолютной β -конвергенции на основе перекрестных данных.

В отличие от β -конвергенции σ -конвергенция предполагает *уменьшение со временем стандартного отклонения величины показателя* (например, ВВП на душу населения), сглаживающее расхождение между странами. Другим индикатором, который часто используют при наличии тренда во временных рядах, является отношение стандартного отклонения к средней (коэффициент вариации). Не всегда β -конвергенция предполагает σ -конвергенцию: в ситуации, когда группа более богатых и более бедных стран постоянно меняется (вследствие ухудшения экономического положения в богатых и улучшения в бедных), но общий уровень разрыва между богатыми и бедными постоянен, σ -конвергенция отсутствует [13]. Соответственно две концепции конвергенции учитывают различные проблемы региональной экономической интеграции.

Проблемы σ -конвергенции связаны с извечной дилеммой любых объединений и структур – противостоянием выгод от интеграции разнородности предпочтений их участников, вызванной в том числе и институциональными и экономическими различиями [16]. В принципе, объединение крайне разнородных с экономической точки зрения игроков может оказаться выгодным для всех его участников, если речь идет о негативной интеграции, т.е. устранении барьеров для движения капитала, рабочей силы и услуг. В этих условиях каждая страна может более полно воспользоваться своими сравнительными преимуществами и достичь более высокого уровня экономической эффективности. Однако добиться соглашения относительно снятия барьеров тем сложнее, чем выше степень экономической неоднородности участников. Что касается позитивной интеграции, т.е. координации экономической политики и гармонизации институтов, то она и с нормативной точки зрения может оказаться менее выгодной в условиях разнородности игроков: издержки, которые несет каждый из них, слишком велики по сравнению с экономией от масштаба и другими преимуществами [17]. Соответственно региональные группировки при отсутствии

σ -конвергенции принципиально ограничены в своем развитии.

Отсутствие β -конвергенции означает недостаточную эффективность интегрированных рынков, функционирующих на экономическом пространстве группировки. Иначе говоря, какие-то страны в недостаточной степени используют сравнительные преимущества, которые могли бы им позволить достижение более высоких темпов роста. Пользуясь языком неоклассической теории, существуют бесплатные завтраки (*free lunch*), игнорируемые инвесторами и предпринимателями. Вместе с тем не происходит смены лидеров в процессе рыночной конкуренции; более того, одни и те же регионы непрерывно сохраняют сравнительно более высокий потенциал роста. Наконец, β -дивергенция не просто предполагает

отсутствие σ -конвергенции, но ведет к росту дифференциации экономических показателей, т.е. все негативные явления, о которых говорилось ранее в связи с σ -дивергенцией, лишь усиливаются. Процессы β -конвергенции в идеале должны были бы происходить в любой системе открытых и гибких рынков с высоким уровнем конкуренции, отсутствием агломерационных эффектов и монополизации; их отсутствие может трактоваться как признак серьезного дефекта экономического порядка.

При анализе конвергенции роста рассмотрим еще один ее аспект, представляющий значительный интерес для проблем интеграции (данный вопрос частично обсуждался в работе [14]). Это – конвергенция *темпов* роста, т.е. уменьшение стандартного отклонения среднегодовых темпов роста стран интеграционной группировки. Такая ситуация не предполагает ни β -, ни σ -конвергенции, более того, может означать дивергенцию с точки зрения двух приведенных выше концепций. Однако она крайне важна для таких целей интеграции, как совместная реакция на глобальные шоки, корректировка совместных проблем интегрированных рынков и кооперация для достижения лучших позиций в глобальной конкуренции. Конвергенция темпов роста свидетельствует о синхронизации деловых циклов, а также о наличии общих проблем (и общих преимуществ) в глобальной экономике, что облегчает кооперацию, а также об односторонности и аналогичности институциональных преобразований.

Конвергенция роста на постсоветском пространстве. Прежде всего рассмотрим более традиционный аспект анализа – конвергенцию экономического роста. В качестве основного показателя, как и в большинстве исследований, примем величину ВВП на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности. Коэффициенты σ - и β -конвергенции как для СНГ в целом, так и для субрегиональных группировок (Единого экономического пространства (ЕЭП – Россия, Украина, Казахстан и Белоруссия) и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС – Россия, Белоруссия, Казахстан,

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан)) рассчитываются на основе выборки, включающей в себя все страны - члены интеграционной группировки.

Для СНГ в целом показатель σ -конвергенции, вычисленный как стандартное отклонение ВВП на душу населения, снижался до середины 1990-х годов (т. е. в период экономического спада), а затем начал резко возрастать, превысив в 2004 г. показатель 1991 г. (рис. 1)³. Таким образом, в период спада страны СНГ по экономическим показателям, скорее, сближались, а в период роста, наоборот, возникло опять расхождение. Аналогичной траекторией характеризовался показатель конвергенции стран ЕврАзЭС и ЕЭП, хотя для последнего конвергенция в начале 1990-х годов была менее заметной. При этом степень дифференциации показателя в ЕврАзЭС выше, чем в СНГ в целом во многом из-за присутствия в Содружестве большего числа сравнительно бедных стран.

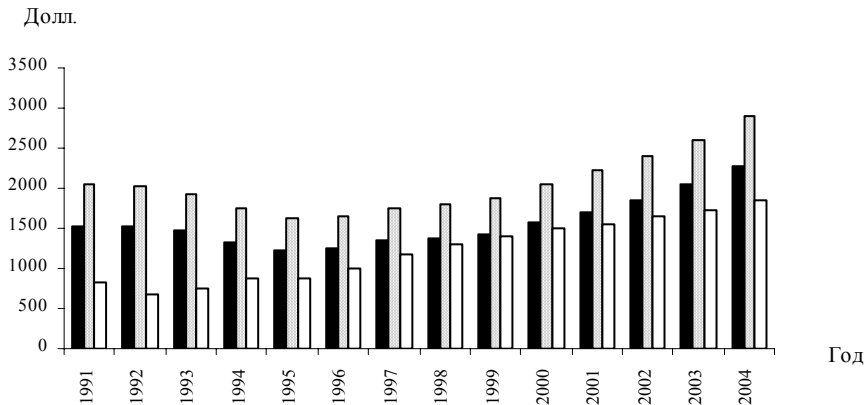
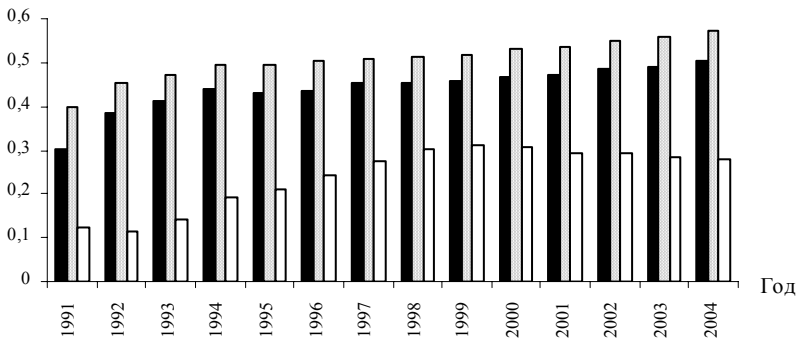

Рис. 1: Стандартное отклонение ВВП на душу населения стран СНГ (■), ЕврАзЭС (▒) и ЕЭП (□)

Использование скорректированного показателя (коэффициента вариации) дает несколько иной результат: уровень дивергенции возрастал уже в первой половине 1990-х годов, впоследствии произошло замедление темпов расхождения (рис. 2). Различие в результатах обусловлено учетом общего тренда: в начале 1990-х годов уменьшалось не только стандартное отклонение ВВП на душу населения, но и среднее значение этого показателя, причем падение последнего происходило более быстрыми темпами. ЕврАзЭС характеризовалось аналогичными тенденциями. Для стран ЕЭП ситуация, однако, несколько иная: после 1999 г. σ -дивергенция сменилась σ -конвергенцией.

³ Расчеты автора к рис. 1-3 выполнены на основе базы данных Total Economic Database, которая поддерживается Университетом Гронинген и доступна на сайте www.ggdc.net/dseries/totecon.shtml.

Рис. 2. Коэффициент вариации ВВП на душу населения стран СНГ (■), ЕврАзЭС (□) и ЕЭП (□)

Любопытно, что и коэффициент вариации, и стандартное отклонение показывают, что включение Узбекистана в ЕврАзЭС привело бы к сокращению дивергенции в 2004-2005 гг.⁴ Во многом это связано с общим снижением среднего уровня жизни в государствах Сообщества в результате присоединения к нему сравнительно более бедной страны. Подчеркнем, что результаты получены для невзвешенных показателей – использование весов дало бы другой результат, поскольку богатейшая страна в ЕврАзЭС (Россия) является одновременно и самой крупной.

Для оценки β -конвергенции постсоветских стран (табл. 1) было использовано уравнение регрессии (1) в целом для всего рассматриваемого периода и для трех пятилетних периодов. Как видно, страны СНГ характеризовались β -дивергенцией в 1991-2004 гг. Для пятилетних периодов гипотеза о равенстве коэффициента β нулю не может быть отклонена даже на 10-процентном уровне.

Таблица 1

Коэффициент β -конвергенция ВВП на душу населения постсоветских стран

Период (годы)	Все страны СНГ		ЕврАзЭС		ЕЭП	
	β	R^2	β	R^2	B	R^2
1991-1995	0,0402 (0,0268)	0,18	0,0603 (0,0263)*	0,57	0,0899 (0,0427)	0,69
1996-1999	0,0012 (0,0076)	0,002	0,0015 (0,0061)	0,02	0,0281 (0,0254)	0,38
2000-2004	0,0006 (0,0091)	0,001	-0,0027 (0,0082)	0,03	-0,0194 (0,0127)	0,54
1991-2004	0,0717 (0,0291)**	0,38	0,0845 (0,0289)**	0,68	0,1277 (0,1071)	0,42

Примечание. Здесь и далее в таблицах в скобках приводится стандартная ошибка коэффициента β , оцененного по методу наименьших квадратов. *** – значимость 1%, ** – значимость 5%, * – значимость 10%. Значимые результаты (на 10-процентном уровне) выделены жирным шрифтом. Курсивом выделены результаты регрессий с гетероскедастичными остатками (White test); для устранения гетероскедастичности использованы устойчивые стандартные ошибки (Huber/White sandwich standard errors).

Расчеты для стран, в настоящее время входящих в состав ЕврАзЭС, выявили статистически значимую β -дивергенцию для периодов 1991-2004 гг. и 1991-1995 гг. Расчеты для стран – участниц ЕЭП не привели к статистически значимым результатам. Однако следует учесть, что число степеней свободы в этой регрессии крайне мало, что не может не сказаться на величинах t -статистики.

Если на уровне σ - и β -конвергенции можно констатировать расхождение между постсоветскими странами, то третий показатель – конвергенция темпов роста – дает совершенно другие результаты. Уровень расхождения в темпах роста резко снизился с 1991 г. по настоящее время (рис. 3).

⁴ Окончательное решение о членстве республики в ЕврАзЭС было принято зимой 2006 г. в связи с объединением ЕврАзЭС и Организации Центрально-азиатского сотрудничества.

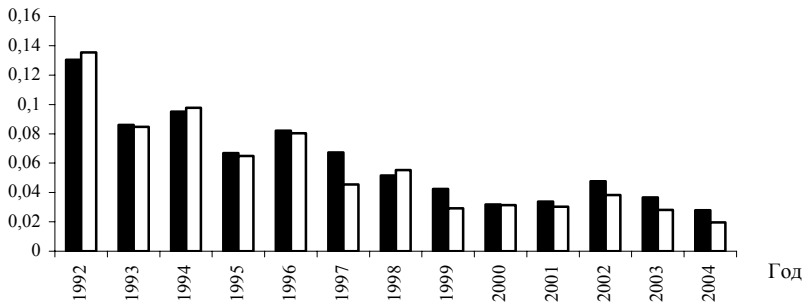

Рис. 3. Показатели конвергенции темпов роста ВВП стран СНГ: стандартное отклонение по данным Межгосударственного статистического комитета (□); по данным Total Economic Database (■)

Можно констатировать, что страны СНГ, в принципе, подвержены общим внешним шокам (это в полной мере подтвердилось в ходе кризиса в августе 1998 г. [18-20]) и одинаково реагируют на внешнюю конъюнктуру, а также (в какой-то степени) идут сходными путями в процессе экономической трансформации. Причем это сходство, постоянно возрастая, достигло максимума в период высоких цен на энергоносители, от которых до недавнего времени выигрывали как страны-экспортеры, так и страны-импортеры, получавшие значительные объемы углеводородного сырья по сравнительно низким ценам. Впрочем, в 2005 г. тенденция может претерпеть значительные изменения. Согласно данным Межгосударственного статистического комитета, в первом полугодии 2005 г. в СНГ наблюдалась сравнительная дивергенция темпов роста. Ее причины частично могут быть связаны с резким замедлением экономической динамики на Украине. Еще большей по масштабам может оказаться дивергенция в 2006 г.: повышение цен на газ Россией и Туркменистаном устраняет те позитивные внешние эффекты, которые ранее существовали для недобывающих постсоветских стран в условиях роста мировых цен на нефть и газ.

Подводя итог, можно сказать, что уровень разнородности постсоветского пространства, отражаемый σ -конвергенцией, за последние 15 лет повысился, что, естественно, затруднит реализацию возможной интеграции. Несколько иначе выглядит ситуация для четырех ведущих стран, входящих в ЕЭП, где в 2000-х годах наблюдалась σ -конвергенция. Для всех статистически значимых показателей β

постсоветский мир характеризовался β -дивергенцией. Таким образом, неформальная интеграция постсоветского пространства, связанная с миграционными потоками и перемещением капиталов [21], не привела к формированию эффективного рынка, напротив, она способствовала сохранению резких различий. Наконец, постсоветские страны характеризовались значительной конвергенцией темпов роста, масштабы которой в настоящее время снижаются.

Институциональная конвергенция. Оценки институциональной конвергенции получить значительно сложнее, чем конвергенции темпов роста. Прежде всего это связано со сложностью количественного измерения качества институтов. Большинство применяющихся индикаторов неточны и подвержены разнообразным искажениям (связанным, например, с проблемами восприятия или заложенными в критериях оценки нормативными представлениями, взятыми из теоретических концепций, которые в свою очередь нуждаются в проверке и уточнении). К результатам, полученным на основе исследования подобных показателей, требуется относиться с осторожностью. Тем не менее значимость проблемы институтов для

экономического развития и региональной интеграции так велика, что игнорировать ее нецелесообразно.

Используемые далее четыре показателя качества институциональной среды (экономической и политической) – индекс реформ ЕБРР⁵, индекс экономической свободы (Heritage Foundation)⁶, индекс качества управления Всемирного банка⁷ и индекс политической свободы (Freedom House)⁸ – отражают различные аспекты развития институциональной среды постсоветского пространства, хотя часто взаимосвязаны. В большинстве случаев по этим индексам имеются данные за достаточно длительный период времени, что позволяет провести детальный анализ.

Индекс реформ ЕБРР ориентируется, прежде всего, на результаты *формальной экономической трансформации* (либерализации рынков, приватизации, антимонопольного и банковского законодательства, структурных реформ). Индекс экономической свободы⁹ акцентирует внимание на разного рода *барьерах* (формальных и неформальных) для хозяйственной деятельности (инвестиционном климате, теневой экономике, защите прав собственности и др.). Индекс Всемирного банка¹⁰ исследует качество *государственного управления в экономике* (бюрократизацию, стабильность власти, ответственность перед гражданами, борьбу с коррупцией, качество экономической политики, власть закона). Наконец, индекс политической свободы представляет собой характеристику *политической трансформации* в сторону демократического государства с развитой защитой прав человека.

Обзор результатов расчетов σ -конвергенции приведен на рис. 4-6.

Как показано на рисунках, в области политических свобод страны СНГ пережили период резкой дивергенции в начале 1990-х, затем степень рассогласованности национальных политических систем оставалась постоянной или даже конвергировала (на уровне стандартного отклонения); некоторая дивергенция вновь начала наблюдаться в последние годы, что, очевидно, связано с волной «цветных революций». Возможно, более детальный и содержательный анализ позволил бы несколько скорректировать полученный чисто статистическими методами результат. К тому же нельзя забывать, что анализ, проводимый с 1991 г., не может учитывать реальной дивергенции, которая начинается лишь с уровня единого государства с общей политической и институциональной системой, т. е. носит значительно большие масштабы [24], хотя процесс расхождения институциональных траекторий республик начался еще в Советском Союзе, что, к сожалению, не фиксировалось количественными индексами. В свете формальных рыночных реформ после резкой дифференциации первой половины 1990-х годов степень дивергенции остается практически неизменной. Этот же вывод подтверждается и рассчитанными для конца 1990-х – начала 2000-х годов индексами экономической свободы и качества государственного управления.

Рис. 4

⁵ Средняя величина девяти индексов реформ, регулярно публикуемых ЕБРР в «Отчете о переходе» (Transition Report). Отчеты ЕБРР за последние годы доступны на сайте банка www.ebrd.org; показатели за 1990-е годы опубликованы в работе [22].

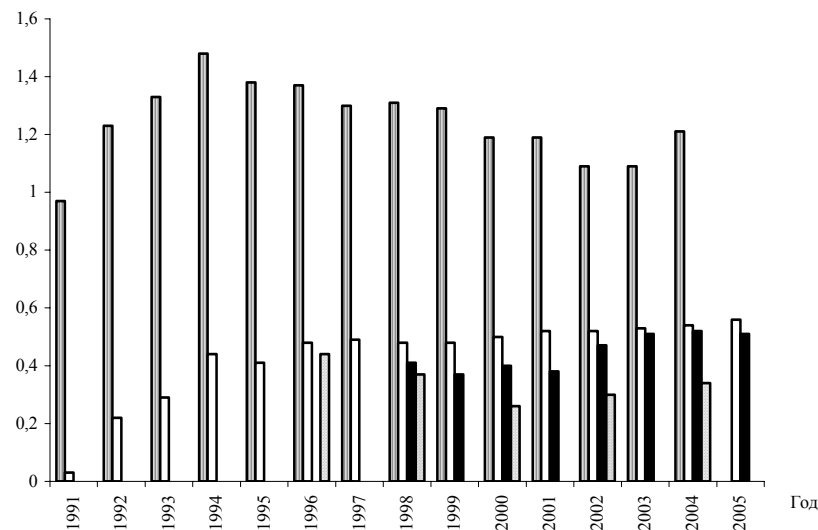
⁶ Индекс экономической свободы ежегодно публикуется Heritage Foundation и доступен на сайте фонда www.heritage.org. Для целей настоящей работы индекс рассчитан как 5 (максимальное значение индекса) минус оригинальный индекс, чтобы обеспечить сопоставимость со стандартной моделью конвергенции роста.

⁷ Средняя величина шести показателей управления, определяемых Всемирным банком начиная с 1996 г. каждые два года и опубликованных в работе [23].

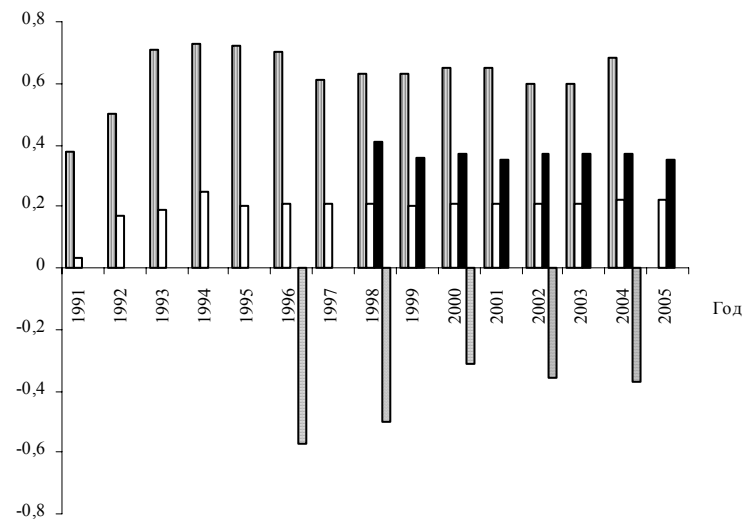
⁸ Средний индекс политических свобод и гражданских свобод публикуется Freedom House в рамках ежегодных отчетов «Свобода в мире» (Freedom of the World) и доступен на сайте организации www.freedomhouse.org. Для целей настоящей работы индекс рассчитан как 7 минус оригинальный индекс.

⁹ До 1998 г. индекс Heritage Foundation не рассчитывался для Казахстана и Центральной Азии.

¹⁰ Индекс Всемирного банка рассчитывается каждые два года.

(а)

(б)

Рис. 4. Показатели институциональной σ -конвергенции в СНГ

(а – стандартное отклонение, б – коэффициент вариации):

▨ – политической свободы; □ – ЕБРР; ■ – экономической свободы; ▨ – Всемирного банка

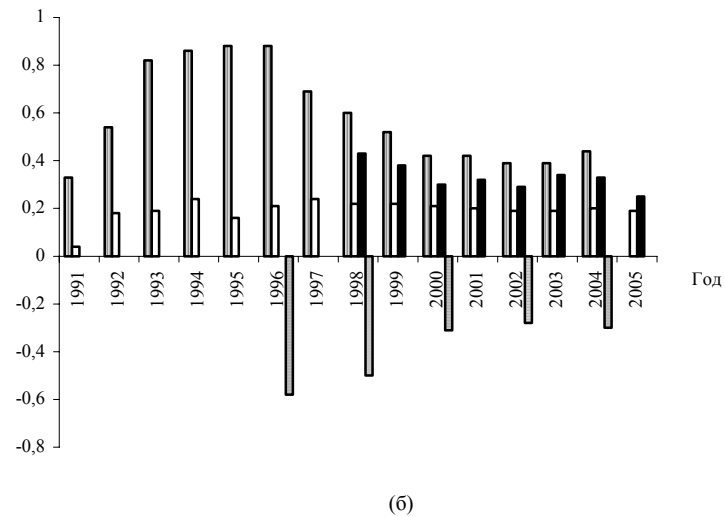
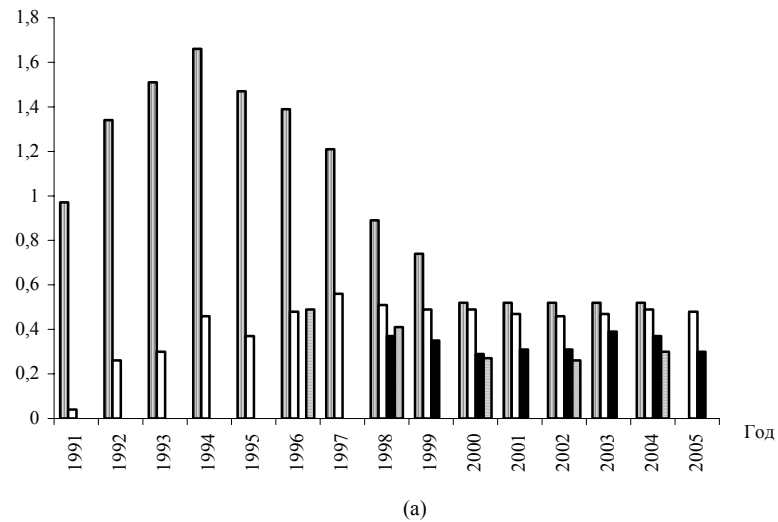
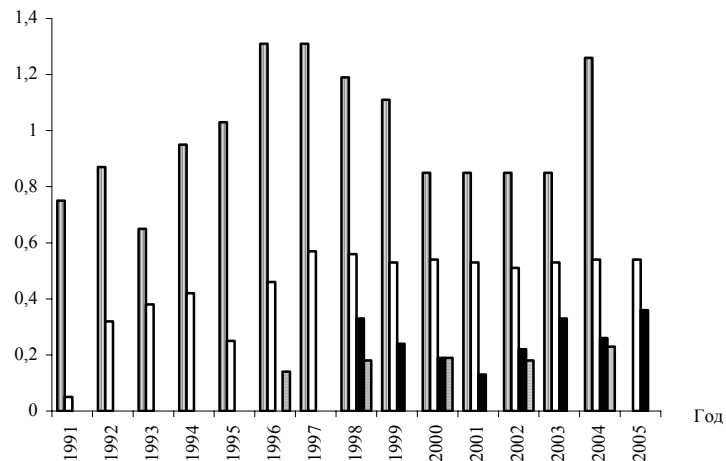

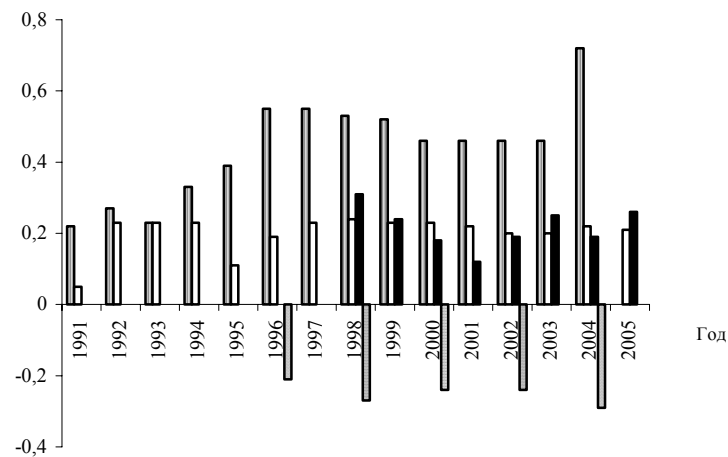
Рис. 5. Показатели институциональной σ -конвергенции в ЕврАзЭС

(а – стандартное отклонение, б – коэффициент вариации):

▨ – политической свободы; □ – ЕБРР; ■ – экономической свободы; ▤ – Всемирного банка

(а)

(б)

Рис. 6. Показатели институциональной σ -конвергенции в ЕЭП

(а – стандартное отклонение, б – коэффициент вариации):

▨ – политической свободы; □ – ЕБРР; ■ – экономической свободы; ▤ – Всемирного банка

Таким образом, правомерен вывод, что после периода резких перемен и поиска альтернатив развития первой половины 1990-х годов постсоветское пространство вошло в период нового *устойчивого институционального равновесия* или как минимум «затянувшегося переходного периода», если учесть, что допереходный уровень ВВП еще не достигнут [25, 26].

В отличие от СНГ в целом страны ЕврАзЭС характеризуются значительно более высоким уровнем конвергенции. Это проявляется, прежде всего, в показателях политических институтов и в наименьшей степени – в формальных результатах транзита (во многом из-за присутствия в ЕврАзЭС Белоруссии и Узбекистана, использующих отличную от других стран модель организации экономики). Заметим, что включение Узбекистана в ЕврАзЭС снизило дивергенцию в 2004-2005 гг. по всем показателям, кроме индекса экономической свободы (стандартное отклонение). Этот факт косвенным образом подтверждает то обстоятельство, что сближение в ЕврАзЭС происходит во многом в результате ослабления демократических реформ и усложнения препятствий на пути формирования рыночной экономики. Иначе говоря, происходит, скорее, «выравнивание по отстающему», чем «выравнивание по лидеру». Страны ЕЭП, напротив, характеризуются в большей степени дивергенцией институциональных сред, особенно заметной в последние годы.

Данные по β -дивергенции приводятся в табл. 2. Большая часть полученных оценок является статистически незначимой, что не позволяет сделать вывод о наличии тенденции к β -дивергенции или к конвергенции в рассматриваемый период.

Таблица 2

β -конвергенция институциональных показателей стран СНГ

Показатель (период)	Все страны СНГ		ЕврАзЭС		ЕЭП	
	β	R^2	β	R^2	B	R^2
Индекс						
Политической свободы						
1991-1995 гг.	-0,0447 (0,2022)	0,01	0,0538 (0,2455)	0,01	0,1889 (0,0111)***	0,99
1996-1999 гг.	-0,0456 (0,0627)	0,06	-0,1429 (0,0346)*	0,89	-0,0620 (0,0631)	0,33
2000-2004 гг.	-0,0069 (0,0780)	0,001	-0,2143 (0,5292)	0,71	0,2714 (0,1466)	0,63
1991-2004 гг.	-0,1825 (0,2156)	0,07	0,0693 (0,1051)	0,55	0,1148 (0,2749)	0,08
ЕБРР						
1991-1995 гг.	2,5179 (3,8204)	0,04	1,4303 (3,6628)	0,04	1,6667 (1,4123)	0,41
1996-1999 гг.	-0,0998 (0,0784)	0,14	-0,0514 (0,1488)	0,04	0,0554 (0,1745)	0,05
2000-2005 гг.	0,0238 (0,0517)	0,04	-0,0519 (0,0407)	0,29	-0,0548 (0,0522)	0,35
1991-2005 гг.	1,2176 (5,4567)	0,01	2,2970 (4,7908)	0,05	1,4242 (6,3671)	0,02
Всемирного банка						
1996-2004 гг.	1,1273 (0,4797)**	0,41	1,0295 (0,4698)	0,55	-0,3868 (0,6690)	0,14
Экономической свободы						
1998-2006 гг.	-0,8704 (0,3036)**	0,45	-1,4629 (0,6272)**	0,58	-0,8240 (0,9061)	0,29

Примечание. Расчет β -конвергенции производился без логарифмирования показателей. Применение метода наименьших квадратов оправдано высокой вариативностью шкал, допускающей и дробные оценки индексов; в противном случае необходимо было бы использовать логит-регрессию для порядковых шкал.
См. примечание к табл. 1.

В 1996-1999 гг. наблюдалась конвергенция политических институтов в странах ЕврАзЭС (совпавшая со значительной σ -конвергенцией, упомянутой ранее), а в период 1991-1995 гг. – дивергенция политических институтов ЕЭП (вполне очевидная с учетом неспокойных в политическом отношении ранних 1990-х во всех странах, кроме Казахстана). В отношении формальных реформ автору не удалось выявить конвергенцию или дивергенцию на сколько-нибудь приемлемом уровне значимости. В то же время показатели Всемирного банка характеризовались устойчивой β -дивергенцией для ЕврАзЭС и СНГ в целом. Аналогичным образом показатели экономической свободы свидетельствовали о заметной β -конвергенции. Это означает, что в отношении отдельных показателей можно наблюдать процесс постоянной смены лидера, в то время как в других – соотношение стран остается постоянным.

Таким образом, с точки зрения σ -конвергенции наибольшими перспективами среди всех интеграционных объединений обладает ЕврАзЭС (другое дело, что выравнивание по отстающему является тревожной политико-экономической тенденцией с точки зрения развития стран в целом). β -конвергенция не позволяет сделать однозначных выводов, что частично связано с низким числом степеней свободы. Впрочем, такой подход не учитывает различий во внешнеэкономических стратегиях [27], которые вне зависимости от внутренней институциональной структуры могут сыграть ключевую роль в перспективах экономической интеграции.

Внутренняя и внешняя дезинтеграция. В исследовании постсоветского пространства интерес представляет, однако, еще один аспект. В какой степени внешняя дезинтеграция Содружества связана с внутренней дезинтеграцией рыночного пространства отдельных стран СНГ? Институциональный анализ позволяет *сформулировать гипотезу* о том, что обе формы дезинтеграции порождены сходными обстоятельствами: дефицитом права, низким уровнем доверия в обществе, формированием административных барьеров (до недавнего времени игравших важную роль и в межрегиональной торговле Российской Федерации [28]) и, таким образом, являются отражениями общего процесса [29]. Более того, внутренняя дезинтеграция, если она превращается в устойчивый фактор хозяйственной жизни, способна негативно отразиться и на процессах международной экономической интеграции. Как показывает опыт ЕС, межгосударственная региональная интеграция и региональная политика тесно взаимосвязаны [30].

Рассмотрим проблему (дез)интеграции и конвергенции для РФ как крупнейшей страны СНГ, играющей важнейшую роль в процессах интеграции. Для исследования процессов конвергенции регионов России используем показатель среднедушевых денежных доходов населения. В отличие от величины ВРП на душу населения по среднедушевым доходам Федеральным агентством государственной статистики РФ публикуются более длинные временные ряды, а также приводятся данные по автономным округам, начиная с 1997 г. Коэффициент корреляции показателей ВРП на душу и среднедушевых доходов за 1997-2003 гг. (без автономных округов и областей) составляет 89,17%, поэтому для целей анализа настоящей статьи показатели можно считать эквивалентными. Поскольку временные ряды обладают ярко выраженным трендом, для анализа σ -конвергенции используется коэффициент вариации.

На рис. 7¹¹ приведены показатели σ -конвергенции среднедушевых доходов в регионах РФ. Вплоть до начала 2000-х годов господствовала тенденция к дивергенции; впоследствии она сменилась тенденцией к конвергенции. Любопытно, что σ -конвергенция стран ЕЭП, рассчитанная с помощью коэффициента вариации,

¹¹ Расчеты автора к рис. 7 выполнены по данным Федерального агентства государственной статистики.

также характеризуется сходной динамикой. Итак, в отношении σ -конвергенции сформулированная гипотеза представляется справедливой¹².

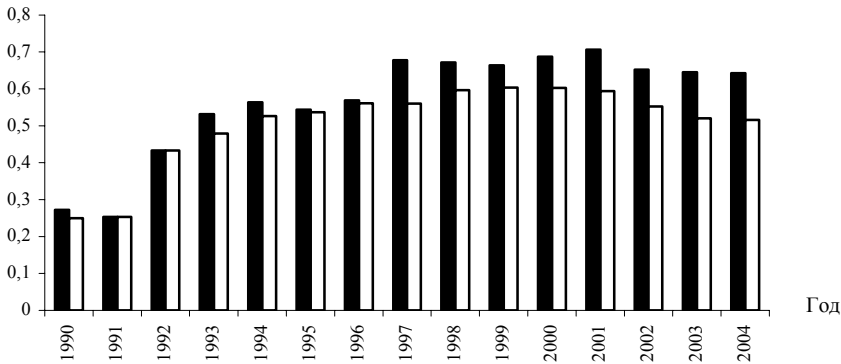

Рис. 7. Коэффициент вариации среднедушевых доходов:

- – для регионов, по которым имеются непрерывные ряды данных с 1990 г.
(все субъекты РФ кроме автономных округов и областей и Чеченской республики);
■ – для всех регионов, по которым имелись данные за соответствующий период времени

Результаты оценки β -конвергенции приведены в табл. 3. В отличие от постсоветского пространства в целом РФ характеризуется высоким уровнем β -конвергенции как в целом за 1990-е годы, так и в каждом из отдельно взятых периодов. Таким образом, гипотеза о том, что конвергенция наблюдается как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровне для β -конвергенции не подтверждается. «Внутреннее рыночное пространство»¹³ России более эффективно, чем пространство СНГ в целом.

Таблица 3

β -конвергенция российских регионов*

Годы	Среднедушевые доходы	
	β	R^2
1990-1995	-5,0624 (0,1383)***	0,94
1996-1999	-0,0268 (0,0063)***	0,24
2000-2004	-0,0268 (0,0044)***	0,30
1990-2004	-6,4593 (0,4520)***	0,93

* См. примечания к табл. 1.

* * *

Таким образом, прошедшие 15 лет независимости постсоветских стран были для них периодом значительной дивергенции. Это касается, прежде всего, показателей благосостояния. При этом эффективность постсоветского рыночного пространства являлась сравнительно низкой. Данный факт может служить своеобразным индикатором низкой результативности интеграционных процессов.

¹² Сходные проблемы рассматриваются в работе [30].

¹³ Данный термин рассматривается в работе [31].

Вместе с тем постсоветские страны характеризуются высокой конвергенцией темпов роста, которая, однако, несколько ослабла в 2005 г. Экономическая дивергенция постсоветского пространства частично сопровождалась и внутренней дивергенцией как минимум в России как крупнейшей из постсоветских стран; в то же время ее внутренний рынок оставался более эффективным, чем рыночное пространство СНГ в целом. В отношении институциональной конвергенции ситуация является более сложной: после резкого «расхождения путей» в первой половине 1990-х годов постсоветское пространство вступило в период стагнации или (для некоторых групп стран) даже конвергенции институтов. К сожалению, можно констатировать, что эта конвергенция шла, скорее, по пути ухудшения качества институциональной среды в более развитых странах.

Сказанное позволяет сделать целый ряд выводов в отношении проблем и перспектив постсоветской интеграции.

Во-первых, очевидно, что высокая степень дифференциации затрудняет достижение согласия по вопросам интеграции и (например, наряду с различиями в структуре внешней торговли) становится фактором, препятствующим координации решений по ключевым направлениям интеграции. Кроме того, постсоветское пространство уже сталкивается с проблемами негативных экстерналий значительных «перепадов» в уровнях доходов. Соответственно дивергенция уменьшает шансы постсоветского пространства на успех интеграционных инициатив. Таким образом, сокращение дивергенции должно играть важную роль в политике интеграции

(и, например, деятельности регионального банка развития, формируемого сегодня странами ЕврАзЭС).

Во-вторых, процессы стагнации или даже частичной конвергенции последних лет с выравниванием «по отстающему» обладают двойственным эффектом, содействуя, скорее, так называемой псевдоинтеграции, крайне негативно воздействующей на дальнейшие возможности интеграционных процессов [32]. Соответственно для успеха интеграционных инициатив жизненно важно проведение эффективных реформ в ведущих странах СНГ, повышение качества их экономического порядка и реализация стратегии «второй трансформации», направленной на выход из сложившихся институциональных ловушек [33]. Залогом успеха интеграции является решение внутренних задач экономического развития [34].

В-третьих, шанс на углубление интеграционных процессов оставляет конвергенция темпов роста, свидетельствующая об общности «вызовов» глобальной экономики для региона СНГ. Конечно, такая ситуация связана с высокой ролью энергетики в экономике стран региона; соответственно энергетические проекты должны составлять ядро интеграционных инициатив на постсоветском (и евразийском [35]) пространстве.

Литература

1. Venables A.J. *Regional Integration Agreements: A Force for Convergence or Divergence?* Mimeo, 1999.
2. Розенберг Д. Дж. Расширение Европейского Союза на восток: проблемы конвергенции // *Проблемы теории и практики управления*. 2002. №1.
3. Karayalcin C., Méndez-Carbaño D., Mitra D. *Economic (Dis)integration in the Presence of Evolutionary Learning* // *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14.
4. Ugur M. *(Re)theorizing European Integration under Globalisation: A Political Economy Approach* // *European Political Economy Review*. 2004. Vol. 2. № 1.
5. Евстигнеев В.Р. Валютно-финансовая интеграция в ЕС и СНГ: Сравнительный семантический анализ. М.: Наука, 1997.
6. Schmidt S. *Die Folgen der europäischen Integration für die Bundesrepublik Deutschland: Wandel durch Verflechtung*. Max Planck Institut für Gesellschaftsforschung Discussion Paper 02/04, 2004.
7. Bevan A.A., Estrin S., Hare P.G., Stern J. *Extending the Economics of Disorganization* // *Economics of Transition*. 2001. Vol. 9. №1.
8. Linn J.F. *Economic (Dis)Integration Matters: The Soviet Collapse Revised*. Mimeo, 2003.
9. Стержнева М.В. Европейский Союз и СНГ: Сравнительный анализ институтов. М.: МОНФ, 1999.
10. Fidrmuc J., Fidrmuc J. *Disintegration and Trade* // *ZEI Working Paper*. B24. 2001.

11. Расторгуева В.А. Исследование потенциальной способности хозяйственных комплексов России и стран СНГ к функционированию в условиях независимости. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: ИНИП РАН, 2005.
12. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence // *Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. № 2.
13. Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40.
14. Islam N. What Have We Learnt From the Convergence Debate? // *Journal of Economic Surveys*. 2003. Vol. 17. № 3.
15. Jungmittag A. Innovation Dynamics in the EU: Convergence or Divergence? A Cross-Country Panel Data Analysis // *EIWW Working Paper*. June 2002.
16. Alesina A., Perotti R., Spolaore E. Together or Separately? Issues on the Costs and Benefits of Political and Fiscal Unions // *European Economic Review*. 1995. Vol. 39.
17. Inman R.P., Rubinfeld D.L. Rethinking Federalism // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. Vol. 11. № 4.
18. Pastor G., Damjanovic T. The Russian Financial Crisis and its Consequences for Central Asia // *IMF Working Paper*. WP/01/169. 2001.
19. Perekhodtsev D. The Impact of Russian Ruble Devaluation on Trade and Currencies of the CIS countries // *Working Paper*. #BSP/99/020. Moscow: New Economic School, 1999.
20. Ohno K., Zhakparova S. Responding to Regional Currency Crisis. International Conference on Exchange Rate Regimes in Emerging Market Economies. Document № 14. Tokyo, 1999.
21. Либман А.М. Взаимодействие государства и бизнеса на постсоветском пространстве: возможности и риски // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4.
22. Aidis R., Sauka A. Assessing Moving Targets: The Impact of Transition Stages on Entrepreneurship Development // *Ekonomika*. 2005. Vol. 69.
23. Kaufmann A., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters IV: Governance Indicators for 1996-2004 // *World Bank Working Paper*, 2005.
24. Фурман Д.Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // *Свободная мысль – XXI*. 2004. № 10.
25. Николаев И.А., Точилкина О.С., Калинин А.М. Долгий переход к рынку. М.: ФБК, 2005.
26. Капелюшников Р.И. Где начало того конца?... (заметки об институциональной природе переходных обществ) // *Вопросы экономики*. 2001. № 1.
27. Барковский А.Н. Экономические стратегии стран СНГ: поляризация интересов // *Проблемы прогнозирования*. 2003. № 3.
28. Ениклопов Р., Журавская Е., Гурьев С. Бюджетный федерализм в России: сценарии развития. М.: ЦЭФИР, 2002.
29. Либман А.М. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект // *Вопросы экономики*. 2005. № 3.
30. Сухотин А.Б. Оценки и методы координации народнохозяйственных интересов на региональном и местном уровнях власти. М.: ИЭ РАН, 1999.
31. Валентей С.Д., Нестеров Л.И. Развитие общества в теории социальных альтернатив. М.: Наука, 2003.
32. Libman A. Bottom-Up and Top-Down Integration in the Post-Soviet Space // Paper presented at the CSGR/CIGI/UNU-CRIS Conference on "Regionalisation and Taming the Globalisation?" Warwick, UK, 2005.
33. Andreff W. Would a Second Transition Stage Prolong the Initial Period of Post-Socialist Transformation Into Market Capitalism // *European Journal of Comparative Economics*. 2004. Vol. 1. № 1.
34. Миркин Я.М. Интеграция финансовых рынков СНГ: Механизм ускорения. http://www.mirkin.ru/_docs/articles06-001.pdf. 2006.
35. Linn J.F., Tiomkin D. Economic Integration in Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance. *CASE Studies & Analyses*. № 298, April 2005.